

Понять и не судить (фр.).

Разумеется, они бы предпочли, чтобы кое-чего я не видел. Но главное, я не должен никому рассказывать о том, что вижу.

- Вы расскажете всё?
- А вы?
- Постараюсь. Если не удастся, до конца дней своих буду себя корить.

Люди, которые голодны. 1934

Жорж
СИМЕНОН

Поезд из Венеции

Романы

Санкт-Петербург

Поезд из Венеции

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Почему он думал все время о дочери и образ ее за-слонял перед ним все? Это его смутило, но пришло в голову лишь после того, как поезд тронулся в путь. Правда, смущение было мимолетное и, возникнув под стук колес, вскоре исчезло. Кальмара отвлек мелькавший за окном пейзаж.

Но почему все-таки ему вспомнилась Жозе, а не жена или младший сын, ведь они стояли втроем под жгучими лучами солнца!

Может быть, оттого, что фигурка дочери на перроне выглядела особенно нескладной? Жозе минуло двенадцать лет, она была длинная и худенькая, с тонкими руками и ногами. Белокурые волосы, посветлевшие от морской воды и солнца, отливали серебром.

Выходя из пансиона, Доминика спросила Жозе:

— Уж не собираешься ли ты в таком виде провожать отца?

— А что? Столько людей ездят на глассере в купальных костюмах. Ведь пристань прямо у вокзала. Разве потом мы не пойдем сразу купаться?

Доминика была в шортах и в прозрачной полосатой кофточке, купленной в каком-то узком переулке, среди толчеи неподалеку от канала.

Не потому ли Кальмар смутился, что впервые обратил внимание на начинавшую наливать грудь дочери?

Все эти впечатления были неясны, словно мысли его окутал утренний туман, словно перед его глазами стояло марево, колышущееся между небом и землей, почти осязаемое, мерцающее и жаркое.

В голове и теле Кальмара еще отдавалась вибрация парходика, привезшего их из Лидо и то плавно покачивавшегося на длинных ровных волнах, то вдруг вздрагивавшего при приближении встречного судна.

Перед мысленным взором Кальмара вдруг возникла Венеция — ее купола и храмы, дворцы, собор Святого Марка, Большой канал, гондолы и воскресный колокольный звон во всех церквях и часовнях в это раннее, но уже знойное утро.

— Купи мне мороженого, папа!

— В восемь часов утра?!

— А мне? — попросил мальчуган. Его звали Луи, ему недавно исполнилось шесть лет, но так как в раннем детстве он называл соску «биб»¹, за ним сохранилось это прозвище.

Костюм Биба состоял лишь из плавок и клетчатой рубашки навыпуск. На детях были соломенные гондольерские шляпы с плоским дном и широкими полями, украшенные красной лентой у сестры и голубой у брата.

Сказать по правде, Кальмар не любил менять обстановку и поэтому все эти две недели чувствовал себя выбитым из колеи. Но жена захотела провести отпуск в Венеции, а дети, разумеется, горячо поддерживали ее.

Кальмар ненавидел также отъезды и проводы. Он стоял перед открытым окном в неубранном купе, потому что это был один-единственный вагон, который шел издалека, из Триеста или откуда-то еще и больше

---

¹ *Биб* — от французского слова *bibezon* — соска.

отличался от других вагонов своим чужеземным обликом, цветом и особым запахом.

Какой-то человек, сидевший почти вплотную к Кальмару, внимательно разглядывал его. Видимо, он ехал издалека и уже сидел в купе, когда вагон прицепили к поезду в Венеции.

Вообще говоря, Кальмар не задумывался на этот счет. Он нетерпеливо поглядывал по сторонам, и у него в памяти невольно запечатлелись залитая солнечным светом платформа, газетный киоск в ее левом углу, люди, стоявшие у вагонов, — они также, как его жена и дети, ожидали отправления поезда и не сводили глаз с друзей и родных.

Все происходило, как обычно: поезд должен был отправиться в 7 часов 54 минуты. В 7 часов 52 минуты проводник начал закрывать двери, а механик прошел вдоль вагонов, постукивая то здесь, то там молотком. Всякий раз, когда Кальмар ехал поездом, ему хотелось узнать, что простукивает этот человек. Но потом он как-то забывал спросить.

Появился начальник вокзала со свистком во рту и сложенным наподобие зонтика красным флажком в руке. Откуда-то вырвалась струя пара, а может, и не пара — ведь поезд вел электровоз. Это, наверное, прочищали тормоза, и поезд вздрагивал, как вздрагивают все поезда.

Наконец раздался свисток. Жозе, лизавшая мороженое, — «джелато», как она теперь говорила, — помахала рукой на прощание. Доминика давала последние напутствия.

— Главное — береги себя. Завтракай, обедай и ужинай в ресторане, у Этьена.

Ресторан, хорошо знакомый им обоим, находился в двух шагах от дома, на бульваре Батиньоль. Доми-

ника считала, что у Этьена очень чисто и всегда свежая пища.

Взметнулся красный флажок. Начальник вокзала поднял руку — так же как Жозе и подражавший ей Биб.

Поезду пора было уже трогаться. Часы показывали 7 часов 55 минут, но вместо того, чтобы дать сигнал к отправлению, начальник опустил руку и несколько раз отрывисто и повелительно свистнул.

Поезд не тронулся. Провожающие смотрели куда-то вперед. Кальмар выглянул в окно, но ничего не увидел, кроме спин высунувшихся из окон пассажиров.

— Что случилось?

— Не знаю, — ответила Доминика. — Как будто бы ничего.

Она была тоненькая — конечно, не такая тоненькая, как дочь, — и даже в шортах выглядела элегантно. Она не могла загорать, как дети, и кожа ее лишь слегка покраснела от солнца. Темные очки скрывали голубые глаза.

Все взоры были обращены к начальнику вокзала, но тот, казалось, и не думал торопиться. Держа флажок под мышкой, он спокойно смотрел в сторону электровоза и чего-то ждал. И весь вокзал застыл, словно кадр из цветного фильма, отпечатанный в виде фотографии.

Провожающие чувствовали себя нелепо и теребили в руках уже развернутые платки. Застывшие на лицах улыбки напоминали гримасы.

— Кто-то опаздывает, — раздался голос рядом с Кальмаром.

— Не знаю, не видно, чтобы кто-нибудь бежал к поезду.

Мужчина — низкорослый и широкоплечий — бросил газету на диван и встал:

— Разрешите?

На какое-то мгновение его голова и плечи заслонили Кальмара в окне.

— С этими итальянцами вечные истории...

Незнакомец успел разглядеть Доминику и обоих детей. Кальмар снова встал у окна, принужденно улыбаясь. Он чувствовал, что Жозе и Бибу не терпится окунуться в море, удрать с раскаленного вокзала, прыгнуть в катер, который отвезет их на пляж. На лице у Доминики появилось озабоченное и грустное выражение.

— Главное, береги себя, Жюстен.

— Хорошо, обещаю тебе.

— По-моему, вот сейчас поезд уже отойдет.

Прошло еще не менее двух бесконечных минут, во время которых все не сводили глаз с невозмутимого начальника вокзала.

Наконец из кабинета со стеклянной дверью вышел его помощник и подал знак. Начальник дал свисток, подождал еще несколько секунд и взмахнул флажком. Состав тронулся. Проплыл перрон со стоявшими на нем людьми. Жюстен все больше высовывался из окна по мере того, как удалялась и уменьшалась фигурка дочери и ее красный купальный костюм понемногу сливался с цветовой гаммой вокзала.

Солнце преследовало их, властно врываясь в купе вместе с потоками горячего воздуха. Тяжело дыша, Кальмар опустил голубую занавеску, которая, надувшись, как парус, сначала раза два или три взметнулась вверх и только потом повисла.

Венеция осталась позади.

Со своего места Кальмар мог теперь, сколько душе угодно, изучать своего попутчика, тот скомкал газету и сунул ее под сиденье.

Довольно долго двое мужчин притворялись, что не замечают друг друга, вот только незнакомец не так поспешно отводил взгляд, как Кальмар. Он был уже в годах, лет пятидесяти, а может быть, шестидесяти, с широкими плечами, мощным торсом и резкими чертами лица.

Кальмар успел заметить необычный, похожий на кириллицу шрифт газеты. Русский язык? Или сербский?

Внезапно голубая занавеска снова взметнулась вверх, впустив палящие солнечные лучи. Незнакомец поднялся и ловко, умелым движением закрепил ее.

— Вы француз? — спросил он, усаживаясь.

— Да.

— Парижанин?

— Да.

— Я уловил, что у вашей жены парижское произношение.

Кальмар не возражал против того, чтобы завязать разговор, но начать всегда трудно. Поезд остановился в Местре — первой станции после Венеции, и в коридоре появились местные жители, разыскивавшие купе второго класса.

— Почему вы уехали один? Какие-нибудь дела?

— Мы все собирались уехать сегодня. Но, как назло, не было ни одного свободного места в скором, который уходит в десять тридцать две. Вот я и решил уехать один, чтобы не заставлять семью проводить ночь в поезде и пересаживаться в Лозанне. А они останутся еще на несколько дней. Детям этого очень хотелось.

Кальмару показалось, что попутчик пристально рассматривает его костюм из летней шелковистой ткани. Впервые в жизни на нем был такой светлый, кре-

мового цвета костюм. Жена настояла, чтобы он купил его на той же узенькой улочке, где она купила себе блузку.

«Кроме тебя, Жюстен, почти никто не ходит здесь в темном».

Кальмар предпочел бы одеться в дорогу иначе. Ни в Венеции, ни в семейном пансионе на Лидо, где они жили, такой костюм не бросался в глаза, но сейчас он чувствовал себя так, словно вырядился на маскарад. Этот наряд не вязался с его внешностью, с его расплывшейся фигурой.

— Хорошо провели отпуск? Дождей не было?

— В общем-то, нет, только раза два или три была гроза.

— Вам нравится итальянская кухня?

— Дети обожают все, кроме моллюсков. Сын их в рот не берет.

— Ну а раз вы отдыхали в частном пансионе, вам подавали их ежедневно.

Кальмар вздрогнул. Как этот незнакомец, видевший его всего несколько минут, догадался, что они жили в семейном пансионе, а не в одном из больших отелей на Лидо?

У него возникло смутное ощущение своей неполноценности, и он еще больше пожалел, что надел этот шелковистый костюм, итальянский покрой которого ему вовсе не шел.

Этот добродушный с виду человек, который сидел напротив, одновременно и раздражал, и интересовал его. Он, несомненно, успел уже заметить, что оба чемодана Кальмара, купленные специально для этой поездки, были отнюдь не первого сорта. Кальмару приходилось слышать, что в модных отелях портье судят о клиентах по их багажу, подобно тому как некоторые

мужчины судят о женщинах не по их платьям и мехам, а по обуви.

— Вы занимаетесь коммерцией?

— Нет, я работаю в промышленности, на одном предприятии.

Ну, это уже слишком. Ведь этот человек не имеет никакого права расспрашивать его. Тогда зачем же он, Кальмар, так искренне, даже, можно сказать, подробно отвечает ему.

— Вы разрешите?

Кальмар снял пиджак, он был весь мокрый от пота, несмотря на ветер, поминутно вторгавшийся в купе и грозивший сорвать занавеску. Под мышками у него появились большие влажные полукружья, и он стыдился их, как физического недостатка. На работе Кальмар тоже стеснялся своей потливости, в особенности при машинистках.

— Ваша дочь станет настоящей красавицей.

А ведь незнакомец и видел-то ее всего лишь миг!

— Очень похожа на мать, но только живет...

И в самом деле, Доминике не доставало живости, остроты, того, что называют изюминкой. В тридцать два года она была стройна, миловидна, со светлыми голубыми глазами и грациозной походкой, но в ней всегда чувствовалась какая-то робость, как если бы она боялась привлечь к себе внимание, занять более видное место, чем положено.

— У вашей жены красивое контральто.

Жюстен принужденно улыбнулся. Как этот тип умудрился все заметить? Верно — голос Доминики, бархатистый и низкий, казался неожиданным для такого хрупкого существа и неизменно обращал на себя внимание.

Снова остановка — Падуя, и опять толчея на перроне, казалось, сотни людей брали штурмом поезд; целые

семьи, множество детей, матери с младенцами на руках и даже толстая крестьянка с корзинкой, полной цыплят.

Пассажиры врывались через все двери, и видно было, как они, толкая друг друга, пробираются по коридорам в голову поезда, чтобы захватить свободные места.

— Вот увидите, через час по коридору нельзя будет пройти.

— Вам уже случалось ездить этим поездом?

— Не этим, но подобным. Порой просто диву даешься, куда эти итальянцы без конца разъезжают и почему в это надо вкладывать столько пыла. В иные дни кажется, что вся Италия встала на колеса в поисках места, где бы обосноваться.

Он говорил с каким-то акцентом, но Кальмар не мог понять с каким.

— Вы инженер?

Вопрос этот снова заставил Кальмара вздрогнуть. Но на этот раз, по крайней мере, его попутчик ошибся.

— Нет, я ничего общего не имею с техникой. Я работаю в отделе образцов, и мой титул, поскольку каждому из нас выдали титул, — коммерческий директор на границу.

— You speak English?¹

Кальмар ответил по-английски:

— Я преподавал английский язык в лицее Карно.

— И по-немецки говорите?

— Да.

— А по-итальянски?

— Могу только прочесть меню в ресторане.

На крутом повороте голубая занавеска снова хлопнула и взвилась к потолку, но тут в купе вошел кон-

---

¹ Вы говорите по-английски? (*англ.*)

тролер и занялся ею. Провозившись несколько минут и водворив ее на место, он попросил предъявить билеты.

У Кальмара билет представлял собой простой кушочек картона, билет же незнакомца состоял из нескольких сколотых вместе розовых листков. Контролер вырвал один из них и положил к себе в сумку.

Если бы у Кальмара спросили о его впечатлениях от дороги, он не смог бы определить их и, наверное, лишь раздраженно ответил бы, что ему не терпится поскорее приехать домой.

Примерно то же он ответил бы на вопрос о проведенном отпуске.

Кальмар был по горло сыт солнцем, песчаным пляжем, заполненным купающимися, ревом катеров и глиссеров, площадью Святого Марка с ее голубями, где все казалось таким дешевым и где люди покупали бесполезные вещи только потому, что они заграничные. Его изводило все: не прекращавшиеся ни днем ни ночью шум, пение и музыка, детский крик и шаги на лестнице. Ох, как надоело ему за каждым завтраком, обедом и ужином переводить Жозе и Бибу название блюд в меню и пререкаться с ними, какое кушанье им по средствам, не говоря уж о тайном унижении оттого, что комнаты сняты в семейном пансионе, даже без вида на море.

И однако Кальмар знал, что пройдет какое-то время и дни, проведенные на Лидо, покажутся ему самыми яркими и приятными в жизни и он будет сокрушаться, что им не суждено повториться. Так бывало каждый отпуск. Минувший год всегда представлялся ему прекрасным, даже минувшие осень и зима, с их гриппами и детскими болезнями, которые в ту пору так тревожили его. Быть может, он не умел радовать-

ся сегодняшнему дню, а может быть, это свойственно большинству людей? Кальмар сам не мог в этом разобраться, но не решался спросить кого-нибудь, тем более своих коллег по службе, которые несомненно высмеяли бы его.

Вот и сейчас ему было как-то не по себе, и он уже считал часы, оставшиеся до Лозанны, а потом до Парижа. По мере того как шло время, жара становилась все мучительнее. На минуту Кальмар открыл дверь в коридор, но там все окна были опущены и гулял невыносимый сквозняк. В купе снова взвилась оконная занавеска; на этот раз вставленный в нее прут прогнулся и ее не удалось опустить до конца, так что целый сноп солнечных лучей, врываясь в окно, обжигал лицо Кальмара.

Конечно, можно было перейти в другое купе. В вагоне оставалось еще четыре свободных места помимо тех, над которыми висели таблички «занято». Очевидно, пассажиры займут их на ближайших остановках.

Станции следовали друг за другом через каждые двадцать минут: Лонизо, Сан-Бонифацио, Верона... Повсюду та же сутолока, повсюду вагоны брались приступом и люди, как обезумевшие, неслись по коридору. Однако вскоре передвижение прекратилось, так как пассажиры второго класса плотно забили проходы. Чемоданы, стянутые ремнями или перевязанные веревками, корзины, картонки, бесформенные тюки занимали места не меньше, чем люди. Все это громоздилось чуть не до потолка, а на полу сидели ребяташки. Чтобы попасть в туалет, приходилось перешагивать через них и протискиваться между родителями. Еще несколько станций — и добраться до туалета стало невозможно.

Однако никто не пытался завладеть четырьмя свободными местами — мягкими и удобными. Женщины стоя давали младенцам соску или кормили их грудью, поезд трясло, а им даже и в голову не приходило, что они могут сесть. В их глазах не отражалось ни зависти, ни грусти, ни обиды.

— Субботу и воскресенье вы проводите за городом?

— Да, неподалеку от Пуасси. Вы там бывали?

— Кажется, это между Парижем и Мант-ла-Жоли. Верно?

По существу, незнакомец даже не расспрашивал Кальмара, а скорее Кальмар подтверждал его вопросы. Создавалось впечатление, будто ему заранее известно, что тот скажет, и он задает вопросы только для того, чтобы удостовериться в правильности своих предположений.

— У вас машина?

— Да, малолитражка. В Париже она мне необходима, особенно для поездок из конторы на фабрику.

— И вы предпочли ехать поездом? Понятно, шоссе так забиты. Особенно трудно, когда едешь с детьми.

А ведь Кальмар чуть было не поехал в Венецию на машине. Особенно Жозе хотела этого, хотя уже после двадцати километров принималась считать, долго ли еще им ехать.

Он чуть было не согласился. Но Доминика заявила: «В таком случае мы уже ничего не сможем взять. Каждому придется оставить половину того, что нужно».

— У вас свой загородный дом?

На лице попутчика не было и признаков пота, и он в платке не нуждался. Когда поезд останавливался неподалеку от тележки с напитками и съестным — а, как правило, она оказывалась на другом конце платфор-